

Евгений Сергеев
Валерий Сергеев

**Ткань реальности:
Замок Скараотти**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
С32

Сергеев Е., Сергеев В.

Ткань реальности: Замок Скараотти / Сергеев Е., Сергеев В. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 228 с.

ISBN 978-5-532-93688-1

Мы составляем основу мироздания. Человек не может без нас, а мы без него. И кто для кого в этом мире более существенен - вопрос философский. Душа бессмертна, а тело бrenно. Мы – хранители информации. В нас хранится сущность человеческая. Ты молодой ещё, не определился, места своего не нашёл, и жизнью мало прожил. Поэтому, и всю картину, воедино связать не можешь. Оставайся с нами. Становись одним из нас. Отбрось всё мирское.

ISBN 978-5-532-93688-1

© Сергеев Е., Сергеев В., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Господи! Дай возможность ещё отдохнуть немного. И кому это в голову пришла мысль будить человека среди ночи? Толкают в спину, в бок. Ну вот, за ноги схватили! Ничего, разберусь с шутниками. Сделаю вид, будто не слышу и не чувствую,... Может, отстанут? Вчера был тяжёлый день. Устал. На работе что-то случилось. Какая-то неприятность. Нет, надо отдохнуть. Ещё посплю немного. Кажется, отстали. Не тревожат больше. Спать. Спать. Спать.

Опять будят. Ну, зачем же так сильно? Сам проснусь, а сейчас чувствую себя уставшим и больным. Подождите немного, выплюсь и встану, нечего на меня кричать. А что они кричат? Давай-давай! Вставай-вставай! Ну, это уже слишком. Куда потащили? Что это? Верёвка? На шею верёвку накинута и начинают душить? Надо сопротивляться, не сдаваться! Почему темно, холодно, мокро? Что ещё? Кажется, меня хотят утопить. Бросают в воду. Работаю руками и ногами. Не сдаюсь, не теряю самообладания. Запутался в верёвке. Кто-то помог освободиться. Теперь вверх. Не хватает воздуха. Чувствую, что задыхаюсь. Головой ударяюсь обо что-то твёрдое. Лёд. Кругом лёд. Холода не чувствую. Река, меня бросили в реку. Вижу свет. Яркое пятно. Скорее. Лёд тонкий. Ломается под руками и голова оказывается на поверхности. Яркий свет ослепляет. Хватаю воздух большими глотками и слышу собственный голос. Кричу. Что кричу? Кричу: Помогите! Спасите! Чьи-то руки подхватывают и вытаскивают из воды. Теряю сознание.

Доктор принимает роды, сестра-акушерка деловито обрезает орущему новорожденному ребёнку пуповину.

— Дорогуша, у нас мальчик. Поздравляю!

Очнулся ночью. Пошевелил руками, ногами. Чувствую, шевелится, но что-то мешает. Опять верёвки? Связан? Да. Руки вдоль тела. Нет, не верёвки, рубашка смирительная. Где я? В психиатрической больнице? Лекарствами пахнет, кровью, мочой и ещё чем-то, хорошим, приятным. Аромат тонкий, еле уловимый, отличается от

всего остального. Стараюсь успокоиться и всё обдумать. Над головой прозрачная полусфера. Синеватый лунный свет проблесками разбегается по её поверхности. Стараюсь вспомнить, что случилось в последнее время. Воспоминаний много, но все отрывочные, не складываются в общую картину. Взрыв, пожар, паника, темнота. Белый яркий свет, опять темнота, опять свет. Сколько это продолжается? Какой сегодня день? Связывать перестали. Могу свободно двигать руками и ногами. Пытаюсь встать, но пока не получается.

– Здорово меня зацепило, – буркнул сам себе, но совершенно себя не понял, сплошное «Агу-агу» получилось. По-прежнему плохо вижу. Близорукость, а очков не дают. Всё смутно, расплывчато. Ночью вижу лучше. В голове целая куча вопросов и ни одного ответа. Куда-то несут, везут, кормят из трубочки с мундштуком. Питательная жидкость вытекает медленно. Приходится высасывать из большого баллона и выдавливать руками. Очень утомительно. После каждого принятия пищи засыпаю, и надолго. Успокаивает приятный аромат, который, то появляется, то исчезает. Меняется, варьируется, появляются новые компоненты. Наверно цветы жена приносит. Голос слышу. Мягкий, ласковый, успокаивающий, убаюкивающий. Что-то говорит, наверно рассказывает, как день провела, куда ходила, что делала. Наверно, слов разобрать не могу. Как же её зовут?

Постепенно сознание проясняется, воспоминания складываются в единую картину, приобретают смысл. Очень чётко вспомнил бабушку Изольду и деда Якова. Она немка с Поволжья. Её родителей перед какой-то войной в Сибирь выслали, где она и познакомилась с дедушкой. Резковата в движениях и голосе. Целый день тараторила со мной только по-немецки. А дед Яков, каждый вечер, после работы, втолковывал свой родной Иврит. Отец математик, преподавал в Университете. Мать украинка, добрая и ласковая. Хорошо пела. Даже по телевизору показывали. А вот самого близкого и дорогого мне человека, свою жену, не могу вспомнить. Всплывает некий, безликий образ с ласковыми руками. Ничего ещё немного и вспомню. Бабушка – Сибирь. Конечно! Новосибирск! Город, в котором живу, или жил. Школа, 1 класс, цветы. Много цветов. Французская школа,

элитная. Воспоминания приходят и уходят, наплывают и растворяются в прозрачной дымке. Что же случилось? Болен?

Надо выздоравливать. Надо тренировать своё тело. Накачивать мышцы. Работаю ногами, руками. Переворачиваюсь на живот. Отжимаюсь. Три раза, четыре. Стараюсь с каждым разом увеличивать нагрузки. Чувствую, что кто-то наблюдает за мной и что мои занятия кому-то очень не нравятся. На руки надевают варежки-мешочки и завязывают так, что не могу руками ничего взять. Ноги связывают эластичной лентой, лишая подвижности. Очень чётко слышу человеческую речь, но язык не понятен. Попробовал спросить: *«Где я? Что со мной?»* Язык плохо подчинялся. Наверно результат травмы. Да с таким произношением меня могут и не понять. Вообще-то иностранные языки мне хорошо давались. В доме разговаривали на такой тарабарщине, что стороннему слушателю не понять. Чувствую присутствие людей, пытаюсь заговорить. Задаю вопросы, по-русски, по-английски, по-французски, по-немецки, по-украински, на иврите и даже по-латыни. В ответ, на все мои старания слышу громкий, раскатистый смех. Плакал от обиды и беспомощности. В такие моменты меня зачем-то поднимали в воздух и бросали из стороны в сторону. Ужасное состояние. Всё переворачивалось внутри, подступал комок к горлу, тошнило. Надо взять себя в руки и не плакать. Научиться сдерживать эмоции. Днём спокойно лежал, подольше спал, думал, вспоминал. Физкультурой заниматься только по ночам. Казалось, в реанимации нахожусь, но не лечат. Может, им донор требуется, на органы? И готовят меня к операции? Пичкают растворами всякими, чтобы не шевелился и не поранился? Возможно и то и другое. Вскоре понял, нахожусь в просторной клетке. Прутья металлические, в человеческий рост, закручены круглыми, как мяч, гайками. Через такую ограду не перелезть. Вот бы прут вытащить и попытаться сбежать! Слаб ещё и зрение подводит. Не вижу похитителей своих. По приметам разным, они огромны. Невольно мысль приходит об их внеземном происхождении. Может инопланетяне похитили. Сначала изучат, а потом съедят. Никто не знает, что у них на уме? Наступает ночь и всё затихает. Исследую то, до чего могу дотянуться или доползти. Учусь вставать

и ходить. Ноги немного окрепли, не заплетаются. В руках уверенность появилась и чёткость движений. Всё явно шло на поправку. Только зрение подводило, восстанавливалось медленно. Хорошо бы очки найти. Однажды, изучая клетку, наткнулся на плохо закрученную гайку, шаталась и была не достаточно плотно привёрнута. Постепенно раскачивая, удалось открутить на пол оборота. В следующую ночь ещё на оборот. Появилась надежда на освобождение. Хотелось добыть достоверную информацию о своём положении. Главное, где нахожусь, и что со мной хотят сделать. Почему язык, на котором говорят знаком, но не понятен. Пока притворяюсь больным и немощным, ничего не сделают, а со здоровым? Опасно демонстрировать свои успехи и достижения. Нужна информация. Днём лежал, думал, вспоминал и погружался в размышления. Вспомнилась учёба в Физмат школе. Писали курсовую, по аэродинамике, в которой не правильно вывел алгоритм статического давления воздуха на крыло, за это получил тройку, обидно. Учёба в Университете, первые работы по баллистике, первое выступление на Учёном совете с теоретическим обоснованием распада микрочастиц при соединении со сверхлёгкими изотопами. Мои работы печатались в типографии Академии Наук. Вспоминал Новосибирский Академгородок. В нём жил и учился. Опять в голове всё перепуталось. На четвертую или пятую ночь открутил гайку, скрепляющую один из прутьев клетки. Она круглая и тяжёлая. Осторожно положил на мягкий пол и принялся отодвигать металлический прут. К моей радости он легко отошёл в сторону, образовав щель, в которую свободно могло пройти моё тело. Теперь определим высоту, на которой установлена моя тюрьма. Вложил гайку в узел уголка простыни, противоположный угол завязал узлом за соседний прут и опустил на землю. Что бы легче потом было подниматься. Гайка с лёгким стуком коснулась земли и простынь натянулась как струна. Если считать свой рост метр восемьдесят, то до земли было около трёх с половиной метра. Не знаю, сколько времени ушло на приготовления, но очень устал. Разумнее было бы отложить путешествие до следующей ночи, но любопытство взяло верх над осторожностью и начал спуск. Спустившись примерно на метр, обнаружил ступеньку,

точнее перекладину из такого же металла, что и решётка. Можно сесть передохнуть. Сердце отчаянно колотилось в груди. К горлу подкатил комок страха. Отступать поздно, над головой небо посветлело, а внизу чёрная мгла. Переборов страх продолжил спуск, крепко цепляюсь за простынь. Эх, надо было узлов навязать, чтобы руки не скользили. Наконец ноги коснулись чего-то твёрдого. Присев на корточки, не отпуская импровизированную верёвку, потрогал землю рукой. Всё доступное пространство вокруг было покрыто каким-то ровным пластиком. На небе появились первые лучики розового рассвета. Пора назад. Надо спешить, пока не вернулись тюремщики. Восхождение оказалось значительно легче спуска. Выпрямившись во весь рост, дотянулся до перекладки. Мышцы достаточно окрепли и без труда подтянувшись, уселся на перекладину, встав на неё ногами, свободно проник на свою площадку. Затащил простынь, отвязал гайку, поставил на место отведённый в сторону прут и завернул гайку наполовину. И как раз вовремя. Моя голова коснулась подушки, и в этот момент раздался скрежет, предупреждающий о том, что рядом с клеткой возникает страж. Образ существа очень походил на человеческий, только раз в десять крупнее. Теперь, зная расстояние до земли, мог довольно точно определить его размеры. Существа, которые приходили и разглядывали меня, были от 6 до 8 метров в высоту. Из-за плохого зрения не мог рассмотреть их в деталях, охватить полностью, как единый образ. Когда такое существо наклонялось ко мне достаточно близко, очень чётко вырисовывались зубы, которые оголялись в страшной улыбке смерти. Моя спина всегда покрывалась потом. Ко мне протягивались щупальца рук и тыкали, то в бок, то в щёку, а иногда голова наклонялась так близко, что смрадное дыхание изо рта обволакивало всего, заставляя задыхаться. Влажный язык касался моей кожи. Они явно пробовали меня на вкус. Наверно ждали, когда созрею. Нервы не выдерживали, и начинал кричать от ужаса. Тогда опять поднимали в воздух и бросали из стоны в сторону, пока тошнота не перекрывала горло, и не перехватывало дыхание. Крик прекращался и меня, в полуобморочном состоянии, возвращали в клетку. Лёжа на спине, ещё долго не мог избавиться от икоты. Среди всех этих существ было одно, кото-

рому инстинктивно доверял и не боялся. Его щупальца ласковые, голос нежный, пение протяжное, как у мамы. Кормила питательным раствором. Вкусно конечно, но хотелось жареного бифштекса и кружечку баварского пива.

Несколько ночей подряд спускался из своей клетки, на ощупь, изучал окружающее пространство. Объёмная картина никак не складывалась. Не с чем сравнить. То, что ощущал руками, было несоизмеримо со всем моим жизненным опытом. Единственный вывод, который напрашивался, это громадная пещера с отвесными стенами и искусственным освещением. Ночные походы прекратил до лучших времён. Однообразные дни пролетали один за другим. Существа, заходившие ко мне в пещеру, уже не казались страшными и безобразными. Стал различать знакомые интонации, отдельные слова и даже понимать их смысл. Те, кто окружал меня, были люди, только очень большие. Вспомнил сказку о Гулливере, побывавшего и в стране великанов и в стране лилипутов. Однажды проснувшись, лежал и смотрел вверх. Первый лучик восходящего солнца проник через отверстие в стене и осветил свод пещеры. Если это пещера, то она должна иметь свод. Меня заинтересовали какие-то узоры, там наверху. Чем сильнее напрягал зрение, тем отчётливее они становились, а, став чёткими и освещёнными, сложились в мозаичную картину, до боли знакомую. Женщина с младенцем на руках, в окружении ангелов паривших в небе с луками и стрелами. Перевёл взгляд на стены, они тоже расписаны библейскими сюжетами. На противоположной стене нарисован седой благообразный старик, опирающийся на посох с ягнёнком у ног, справа человек, распятый на кресте с терновым венцом на голове. Как будто кто-то навёл резкость в глазах. Всё стало ясно, понятно, красочно. Различил сотни оттенков настенной живописи. Свершилось. Вместе с прозрением открылась какая-то дверца в памяти. Вспомнил! Меня зовут Пётр, в школе Петя. Работал в институте, где звали Пётр Леонидович. Какой институт? Чем занимался? Это ещё предстояло вспомнить и осмыслить. Чем дольше вглядывался в окружающий мир, тем сильнее он менялся в моих глазах. Менялось и восприятие. Это не пещера, это комната и не очень большая. Клетка, казавшаяся такой громадной,

стала маленькой. Пока никого нет, надо встать и внимательно осмотреться. Поднялся легко. То, что воспринимал как клетку, оказалось детской кроваткой, верхняя планка которой едва доставала до груди. За каких-то несколько дней, всё уменьшилось, а может, это я вырос? Пришло осознание того, что я сам стал ребёнком. Для этого должно быть какое-то объяснение. Послышались шаги. Надо лечь. Дверь открылась с лёгким скрипом. Когда-то этот звук казался зловещим скрежетом. Говорили двое.

– Мэм, приехал доктор.

– Проводи его сюда, Катарина. – ответил нежный голос, который принадлежал женщине, по всей видимости, считавшей меня своим сыном.

– Сию минуту, Мэм. – ответила Катарина.

Из-за закрытой двери слышались приближающиеся уверенные шаги мужчины и семенящие тихие, видимо, принадлежащие Катарине.

Наверное, Катарина – это служанка.

Дверь открылась, и в комнату вошел полноватый, среднего роста и средних лет, слегка лысоватый мужчина.

– Здравствуйте, доктор Лурье. Спасибо, что так быстро отозвались на мою просьбу.

Доктор Лурье, поставил свой саквояж на стул возле стола.

– Здравствуйте, синьора Мариани. Что случилось? Мне помощница передала, что голос у вас был взволнованный.

– Да, доктор, я весьма озабочена. Мне кажется у моего сына Пьеро проблемы.

– Сейчас посмотрим, где можно вымыть руки?

Тут же появилась Катарина с тазиком полотенцем и кувшином.

– С ним точно, что-то не так – продолжила Мариани, – Он быстро набирает вес, мало двигается, подолгу лежит, уставившись в потолок. Может у него дефект со слухом? Он не реагирует, когда я к нему обращаюсь, не реагирует на погремущки.

«Не знаю никакого Пьеро, и вообще, это меня не касается. Чего ради они затеяли этот разговор при мне?» – подумал я.

– Ну, не волнуйтесь, дорогая синьора Мариани, всё проверим.

Слух резануло не то, что сказал доктор, а как сказал! Я совершенно непроизвольно дёрнулся и уставился на доктора. Слова были произнесены на чистом французском языке.

– Ну, вот сеньора! А говорите, не реагирует ни на что. Уже по-итальянски произнёс доктор. Вон как глазами рыскает.

Доктор поводил перед носом молоточком. Достал стетоскоп, послушал.

– Дышите. Не дышите.

Наверно по привычке, по-французски. Я дышал, не дышал, дышал, не дышал.

– Ну-с, молодой человек давай послушаем спинку – продолжал доктор.

Повернулся и лёг на живот.

– Дышите. Не дышите. Хорошо, дышите. Прекрасны у нас дела, юный Пьеро.

Что это значит? Это я – юный Пьеро? Вот так новость.

Доктор встал и отошел к столу. Разложил свои журналы, достал справочник и начал что-то писать в одном из своих журналов. Я взялся играть с кубиками, нехотя, ставя их, друг на друга в небольшую пирамидку, разрушая её и вновь собирая, попутно обдумывая коллизию своих имен. Вот интересно, это случайно? Меня отвлѣк от размышлений голос доктора. Он обращался к маме, не отрываясь от письма.

– Синьора! Все Ваши страхи совершенно не обоснованы. Ваш ребёнок прекрасно себя чувствует и абсолютно здоров. Действительно крупный ребёнок. Не держите его в кровати, дайте возможность ползать, учите ходить.

На этих словах я неуверенно поднялся и подошел пуфу, на котором сидела синьора Мариани, а доктор продолжал...

– Займитесь обучением, ещё не поздно, уделите ребенку больше внимания. Уверю Вас, он будет прекрасно играть со всеми вашими игрушками. Ни в коем случае не связывайте ножки и ручки, иначе он никогда не научится ходить.

– Доктор! Взгляните! – вдруг восторженно удивлённо сказала синьора Мариани.